

МИХАИЛ ТЕННИКОВ

...из Хаоса...

Михаил Тенников

...из Хаоса...

«Издательские решения»

Тенников М.

...из Хаоса... / М. Тенников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964275-2

«...но исповедь тем ценна, что у края стоит несчастный — ада или рая...» Читатель, мой дорогой читатель — кем бы ты не был, входи без смятения, ибо здесь тебе рады! И хоть непрост мой дом, надеюсь, ты найдешь себе комнату по душе. В добрый путь!

ISBN 978-5-44-964275-2

© Тенников М.
© Издательские решения

Содержание

Взгляд со стороны	6
АКЕЛДАМА́	9
LEO	10
DIE LETZTE EIFERSUCHT	11
Lighthouse keeper	12
Гроза и старость	13
Железнодорожное	14
DUDD	15
«...приходит голый человек – его я слышу плач...»	16
RACHMANINOFF	17
Кровь Эдипа	18
DZINTARS	19
Смородина	20
PRIVATEER'S NOTES	21
Chimera	22
Песнь оборотня	23
Из юго-восточных записок. Squeeze	25
Пасхальное	26
Стансы	27
Маневры 17	28
Пятое марта	30
Middlelake	31
«...ни глаголом, ни локтем, ни медною лептой к мене ...»	32
Июнь 45	34
Smooth aftertaste of the victory	35
Греческое прощание	36
Insolvent reflections	37
Невский пятачок	38
Три письма на далёкий остров	39
ПИСЬМО ПЕРВОЕ	39
ПИСЬМО ВТОРОЕ	40
ПИСЬМО ТРЕТЬЕ	42
Неставшая	44
Размен	46
Flaming lullaby	47
SLOE	49
Der Himmel uber Berlin	50
HIDE AND SEEK	51
An escape of love	52
GOA	54
Дом, который...	55
Short landscape with discourse	57
URBI ET ORBI	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

...из Хаоса...

Михаил Тенников

© Михаил Тенников, 2019

ISBN 978-5-4496-4275-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Взгляд со стороны

Анастасия Мурзич

Где ты, – мой ржевский поезд, дизель, лазурь коптивший?
Где ты, – Петров и Водкин? Здесь – только Гойи, Гойи...

Я читаю вслух стихи Михаила Тенникова и – в который уже раз – убеждаюсь, что совсем не знаю его, этого человека по имени-фамилии: Михаил Тенников. Нет, не поймите меня неправильно, я читаю его стихи, но я не вижу за стихами человека, который живет рядом со мной, который дышит одним со мною прогорклым петербургским воздухом. Не вижу, и светло, по-детски, радуюсь этому странному факту. Мы уже давно смирились с автобиографиями в стихах. «Я», «Я!!!» – кричат нам откровенные поэты со страниц новомодных книжек и Интернет-порталов. «Я есть! Я пишу, и значит, я существую!». Это неплохо... Плохо, что мы забыли о законном праве на существовании лирических героев, о воображении, как таковом, о свободном движении свободного слова, не стреноженного безусловной реальностью.

Да, есть поэты, убедительно рассказывающие нам интересные и поучительные, лирические и трагические истории в стихах. Есть поэты, которые с помощью своего, так называемого, «творчества» изо всех сил стараются избавиться от пожара, бушующего в сердцах и умах. Есть даже такие, которые вырываются к звездным далям верхом на профессиональных, остроумных и возвышенных строчках. Есть разные поэты...

...и как с факелоносцем, на выдохе слова «ты»
зажигаются листья, и охристый дым над парком

застилает октябрь. Поэты, разинув рты,
семят за пером, обольщаясь таким подаркам.

Все что надо теперь – обождать их безумный хор,
нискуситься на бисер, плюс – насморк простудных жалоб.

Но поэт Михаил Тенников – особенный поэт, его невесомые стихи живут особенной, самостийной жизнью. Михаил Тенников приоткрывает створку своей души (духа, сердца?) – и оттуда стихийным, искрящимся потоком – то бурным, то плавным и неспешным – струятся свободные слова. Слово вяжет слово, цепляет стальными спицами, петелька-крючок... Сами слова пишут стихотворение. Слова, как андрогин, рожают свое продолжение – от самих себя...

...не марать листа. извини, что наги.
не в чернилах мы разлетимся градом...

Слова, не имеющие к человеку-Тениикову никакого отношения, чистые слова Тенникова-поэта! Я не против человечности, наоборот! Я люблю людей, как класс. Но в поэзии – а мы ведь сейчас говорим о поэзии – мне хочется видеть поэта в поэте. Не летописца собственных взлетов и падений, а проводника незамутненной литературной информации.

Ни один календарь не способен содрать листа

ни с себя самого, ни с деревьев, внутри которых

год венчает кольцо. Уповаю, что мысль чиста...

Но – пронзительна также, как авиарёв моторов...

Поэзия, в моем понимании, это не род деятельности, это не вид искусства, и даже не образ жизни. Настоящий поэт, по-моему – это медиум, это щедрый на самоотречение и сонный до мистического транса субъект. Да, он – проводник! Именно так я воспринимаю поэта Михаила Тенникова. Может быть, я ошибаюсь, но мне хочется думать, что я права, относительно него.

В его стихах мирно соседствуют сложные, несоединимые, парадоксальные, но всегда созвучные образы. Ультрасовременность и древность переплетаются органично и ненавязчиво, соединяются в стихотворение, но оно – никогда – не завершается, не обретает монументальной, законченной формы. Нет, все – недосказанность, все воздушно-небытие. Не вакуум! Наоборот, насыщенное кислородом открытое пространство!

И даже любовная лирика Михаила Тенникова какая-то «не такая», незнакомая, не сконканная, не заляпанная чужими доисторическими (доисторическими) сравнениями. Неужели человек может так любить?! Так писать о своей любви? Нет! Только поэт! Только – Михаил Тенников.

...лицо – как подсолнух (иначе – магнит души)
поднимается к солнцу, не веря, что бог невидим.
...Непосильное бремя – люби, создавай, ...круши.
И у двери встречай, из которой однажды выйдем —

Сложно представить себе того, кто живет среди людей, и при этом чувствует и пишет так:

не увижу с тех нежилых высот
моих рук разлет – то клюка в ночи

бьет по дереву что незримо нам
а ноге ступить – места нетути

вот и шлет язык в гости к римлянам
только письмами – да от нежити

Но ведь я его идеализирую? Да! Так нужно! Настоящего поэта нужно идеализировать. Настоящий поэт – это миф.

Сейчас я рисую крупными, грубыми мазками психологический портрет идеального поэта: он добрый, позитивный, жизнеутверждающий, целеустремленный, равнодушный, очень умный и образованный, углубленный в себя, но легкий и увлекающийся. Вы согласны со мной, таким должен быть идеальный поэт?

Но разве такие бывают? Я не знаю. Никто не знает...

«Восприятие стихотворения всегда сенсуативно», – часто говорит Михаил Тенников. Что это значит? Это значит, что искренний читатель воспринимает (чувствует) искренние – чужие – стихи, как свои собственные. Если это настоящие стихи! Мне лично стихи Михаила Тенникова кажутся идеальными, невесомыми, и нездешними. Нечеловеческими! И мне это нравится.

Что же вы отметите в них? Что в них найдете? Что отдадите им?

Читайте их бережно, затаив дыхание, распахнув сердце и душу. Я вас уверяю, именно так они были написаны!

АКЕЛДАМА́

...четырнадцать сов и шестнадцать чужих богинь;
на влажном песчанике – след от босой ноги,
как слепок моллюска. Глядит на зарю Лука
и звёзды следят за поклёвками кадыка.
Лука неподвижен. Он шепчет, слезу тая:
когда бы не жатва, когда бы не речь Твоя —
лечил рыбарей бы, да жён, да горластых чад...
Но подвиг иной уготовил Ты для врача.

...в низине, на ветви, в плену молодых лучей
висел ученик – из возлюбленных – казначей.
Тянул богачу потроха, свеживал пята
внимательный сокол, а рядом – кричал петух.
Воистину – камень, заброшенный позже в Рим
шипел на рассвете слезой – угловат, незрим;
шипели слова, испаряясь что дождь скупой.
И мир отворялся бегущей к горе тропой...

...блестела Афина, мерцала впотьмах сова;
два лика монеты – одна на века молва,
два мужа, два сына, к суду – две больных души, —
один только трепет – как Он их судьбу решит.
...земля благодарна, корми её. Все дела —
изрёк кровопийца, которого смерть ждала;
но дальше участка неведомо – кто важней
Паллады немой, да совы в обороте к ней...

LEO

...дѣготь и войлок. Родина;
пар, витражи, кутерьма.
Всё что ни станется – пройдено;
игры больного ума.
В той окоlesiце суженый
(суженый, суженый ли?)
встречен дорогою суженной,
шпальной дорогой – вдали.
Двух циферблатов окружия
пульс не торопят уже;

свет выбирает оружие.
Прах оседает в душе...

DIE LETZTE EIFERSUCHT

... часы не спешат. Ты, сощурясь, смотришь
в планшет потолка, подсвеченный фарой
соседской телеги, как тени по три
шуршат на обоях фатеры старой.
Лежишь, одеяло измяв руками,
считаешь неведомое, обезумев,
и самый горячий обценный камень
выпрыгивает из груди на зуммер.
Тебя ничего не тревожит, кроме
успехов молчания в аппарате
словесности.

Он – африканский Роммель,
фельдмаршал Тобрук, генерал-каратель.

... она не простая. Нет, не простая, —
ступает неслышно и шлейфом душист
знакомых ветров. А за нею стая —
их головы серы, прижаты уши.
Кивает она вожаку, что ближе
подходит, беззвучно садится подле.
И стая дорогу усердно лижет;
следы высыхают – вода ли, пот ли.

... так – каждую ночь, во сне раздевая
её – в конуре, что в гнезде орлином —
кричишь – будь же проклята мировая!

и голос летит над пустым Берлином.

Lighthouse keeper

...я не узнал его в рыхлой ночи сперва;
форму фигуры привычно делил на два
собственных имени. Впрочем, кому какой
толк от имён на скрещенье прямых рукой...?
Он поднимается в гору без счёту лет
и растворяется в свете – там, на скале,
где даже птица не пробует вить гнезда.
В час, когда ветер лют и не горит звезда
он зажигает свою, указуя кров
местоблюстителям чуда, ловцам даров,
бледного льна собирателям и ткачам.

...море гремело внизу. Человек молчал.
Мне показалось – звенели его шаги;
в тянущей мгле, где уже ничего, ни зги,
где и ключи и печати на все пути, —
он поднимается в гору. Чтобы спасти.

Гроза и старость

Г.Г.

...предвосхищая молнии провал,
посыпал ливень дробью затяжную;
глухой раскат во тьме торжествовал
над лопнувшей, как кожа – тишиною.
поросший лишаями за сто лет —
скучал гранит на синей вязкой глине,
и вспыхивал будильник на столе,
и был заложен шёлком Старший Плиний.

в кошачьем мраке выверенный шаг
опознавался скрипом половицы, —
когда змеиный след карандаша
уже, казалось – не возобновится.
порожний гнев на низость потолка
был гению – знакомо неминуем.
тем самым, над пятою – каблука
бесстыжую победу знаменуя...

Железнодорожное

А.М.

...балтийского ветра сырая взвесь
доносит прилива звук;
скажу что беззвёздно, что дико здесь
и мысли и существу.
В молочные сумерки лист упал,
а следом ещё, ещё,
и голой луны голубой опал —
меж ливневой тучи щёк.

...легко забываешь сложенья знак,
когда колёй влеком;
и дюйм вырастает в сажень... Я знал —
союз забывать легко.
Где губ обезумевших немота,
где шпалы смолёной кость —
двойник воскресает, что жизнь мотал
мою – на земную ось.
Вокзалов содом, тепловозов клич,
и снова – ток в провода.
И волю – сковывает паралич.
В титане – кипит вода.
Довольно лишь веку дозволить скрыть
больного зрачка очаг —
двойник проявляет кошачью прыть,
хватается за рычаг.
И кажется, стали горячей визг
пронзает до мозжечка;
я слышу – летит на ковёр сервис
в купе у проводника.
...глаза открываю – и тишина,
простыл наважденья след.

...ты мне не любовница, не жена;
сжимаю в руке билет...
тот северо-запад пустых тревог
вагоны уносят прочь.

И нету вины, что простить не смог.

И скорый вращает в ночь.

DUDD

...кадмий, краплак, капля охры, шунгит, сурьма —
лучший рецепт, чтобы тихо спорхнуть с ума
в сказочный сад, или комнату, — лодырь мой,
ангелы молкнут. Ты споришь с собой, с тюрьмой;
дрожь мастихина — а он не похож на медь
труб из окна, на плацу, — устоять, не смей,
перетерпеть, — это просто, — не посягнуть...
Но — невозможно... И кровь не даёт уснуть.
Вскрытая глотка, Лютеции злой клыкки,
кисть — не кинжал, — продолжение твоей руки;
там где ты есть, где хоть чёртом самим реком —
смерть лишь хохочет, любуясь твоим грехом...

«...приходит голый человек – его я слышу плач...»

...приходит голый человек – его я слышу плач,
его дыхание и крик, – волнительны, легки,
и смотрит голый человек – мой будущий палач —
на всё смущение моё, на тихий взмах руки.
...приходит тонкий человек – улыбчивый молчун, —
он жадно слушает рассказ и скоро пишет свой;
я не могу остановить – не смею, не хочу, —
его историй. И стою с поникшей головой.
Греметь ветрам сторожевым – раскатистой трубой;
я провожу по волосам – и тает в голове
новорождённая печаль, и сердца стук – другой,
и попирает тень мою свободный человек.
(Не человек – намёк, каприз, летучая строка);
я наполняю свой бокал и подношу к губам.
Но, лишь мгновение – и вот спешит издалика,
как отголосок первой, той – негромкая труба.
...приходит светлый человек – на сломанном лице
его усталость и любовь – и ясли и чигирь;
так мне становится легко – мне виден свет в конце
ночной пустыни. И зажглись на небе очаги...
...неслышной поступью идут – забвение и страх,
и с ними – бледный человек, – он тянет руки мне;
в его глазах, что мрак пустых, где сажай от костра
свербит зрачок – мне предстают отчаянье и гнев.
...и вот опять – они со мной, у ночи на краю,
а я гляжу поверх голов не лезу на рожон,
но первый – трогает плечо. И я осознаю,
что безоружен как душа. И также – обнажён.

RACHMANINOFF

А.

...утренний ливень, боксирующий с листом
чертополоха, что панчер – с потёртой лапой,
не выпускает наружу. Помимо слабой
радости от оживающих эустом —
нету страстей. Даже клад своего угла бы
не распечатал – коль не был один в пустом
дачном массиве. И не оступился кабы...

То не тоска – но капризы моих широт.
Подлый октябрь донимает простудой выю;
наши отечественные – суть мировые,
ибо планетой владеет больной народ, —
жирной землёй, где червяк деловито выел
сброшенный ветром густой перезревший плод,
где на кармане – девственность и чаевые...

я не скулю – только как мне теперь набрать
жалящих пчёл – ежечасных звонков по соте, —
их эфемерных, бесплотных, небесных сотен
их дождевых переливов и брызг добра,
скорых усердий..? Чем гимны слагать босоте —
лучше брезентом отчаянного «ура»
запеленать элфанта на эшафоте...

Вновь на тетрадных листах обитает боль —
в море чернильном, иссохшем ещё к восходу;
боль – это вирус, убивший саму охоту
к выздоровленью. С минорного ми бемоль
так не соскочишь... Играя этюд Кихоту
видишь столицу и всякий порожний ноль
бьёт единицу – разнузданности в угоду.

Значит письмо – исключительно долгий вдох;
выдохом – колокол. Солнце пронзает тучи
так далеко... Но неведомый добрый случай
всю мою жизнь после си возвращает в до.
Свет от звезды – обретённой, живой, падучей
лишь означает границу. Зовущий в Дом
не наказует страданьем. Пожалуй – учит...

Кровь Эдипа

...не убоись движения ветров,
камланий птиц над сумрачным сулоем,
седую бровь не вздёргивай хитро,
глумливо и с оскалиною злою.
Не отлучи зрачок от тишины,
от борзописи стариц и излучин,
от глубины, которой не нужны
все те, с кем был доселе неразлучен.

...гремящий хор, дымящийся очаг,
амфитеатр – поле после жатвы;
вот – маяка сырая каланча,
вот – царь являет облик кровожадный.

...и сколько «нет» от срама до любви,
от мятых карт – до дерева иконы,
от полис прорежающих – ловить
до подземелья с тенью Антигоны!
Шаги не стоят больше чем тропа,
и оглашает плач каменоломню —
плач по свободе – старого раба:

«...о, где она, была ль она..?
не помню...»

DZINTARS

...прощально отсвистел локомотив,
ведя состав вращению супротив
планеты – моложавым командиром;
пронзительно-внезапна тишина,
мошна пуста, ладонь обожжена
открытым тиром.

Куда ни плюнь – повсюду хутора,
и медленно качается вчера
на лапах у глумливого сегодня.
И голосов звенящая роса
язык, в котором эти голоса —
ведёт, что сводня...

Дагерротип спешит запечатлеть
за горизонт осевшего на треть
причудливого облачного кряжа
густую тень. И – собственных теней
всё вьётся след, всё тянется – за ней
с пустого пляжа...

...мы на песке, мы суть извлечены
из белой недокормленной волны,
катящейся назад неторопливо —
упрямым солнцем. Грешная рука
освобождает ленно из песка
янтарь и пиво...

Смородина

...у выжженной реки – в полыни берега,
и как не нареки – всё слышится – пурга.

Что порезь, что стилет остра её слюда;
ей не хватает «нет». Ей нужно – «никогда».

Червеобразный нерв в кромешной глубине —
восторженность и гнев дрожат в его струне.

В безгласной глубине не дёрнется карась,
и теплется извне убогое – вчерась...

Сырою шерстью – в лёд, поддёвкой сырой —
удвой поток, полёт... А, может быть – утрой!

Вода её крепка, её вода – жнивье,
и тянется рука, чтоб зачерпнуть её.

У света на краю – и звёзд наперечёт;
и нам гореть в раю пока она – течёт...

PRIVATEER'S NOTES

A.

...в среду – растает выловленная рыба,
не упреждая голодной утробы рыка
сфинкса в каюте. плаванье по Карибам —
это сафари, где каждый ловец – барыга.
это забвенье – к существу и глаголу.
это раздолье – и незачем быть пророком;
рыбный четверг прощает фиесту голым
аборигенам – он милостив к их порокам...

ультрамарин, напуганный визгом лезвий,
плещется тише. где взор устремлён в глубины —
только восторг, чьи лестницы скупо влезли
в капли чернил – для лёгкости голубиной,
только волна, что ласково бьётся в катер.
если не пьётся, амиго – прошёл экзамен;
на Косумель стелется синяя скатерть
и шепчут солёные губы – «...amen, amen»...

Chimera

А.

...что голос твой – отверстия уста,
что сумрак глаз – неотводимый взгляд, —
сердечный трепет, отнятый у ста
твоих рождений – тлением угля.
В иных – болота вяжущая зыбь,
где зелень – голодна и неясна;
а ты – живёшь и властвуешь в разы
сильнее наркотического сна.
Не силою – дыханием одним
ты рушишь озверелое «вчера»;
а я дружил – я скрещивался с ним,
как скрещивалась с Волгой немчура!

...продольная симметрия луны
проходит через облачный сезам;
ночь огорчает светом валуны,
доселе неизвестные глазам,
где столь же неизвестная земля
благодаря туману – высока.

И греческое имя корабля
срывается химерой с языка.

Песнь оборотня

Оле С.

...неужто – вновь? Ей-ей – оборочу;
гнусавый мир, запаянный в свечу;
о, лишь бы ты ни капли не седела!
Налью чифирь и запонку замкну, —
не на манжете, – время на кону —
такое дело —
на грубой коже – тёплой изнутри,
где капля пота резалась на три
и шерсть редела.

...то – за венцом шмелюга забасит,
то – рой блаженных... Боже упаси
тела их обязать напрасным гнётом;
когда ты можешь слова не макнуть
в елейный воздух – втаскиваешь нуть
с одним ошмётом.

...и флюгер пел – ты помнишь – на юру,
и осень жгла дубовую кору
червонным мёдом.

...казённый плащ затёрся о наждак;
кабы не хворь, не гиблая нужда,
не изморось на пожженных ресницах;
твой голос тут – фантом, а я ищу
его источник, в ком порабощу
глагол жениться.

...беги, беги! Единственный покой —
в обезоружьи. Сломанной рукой —
да не приснится —

что сломанным крылом, – и зла не трать, —
петли меж туч, окружности в тетрадь
не описать, не начертить, не вправить;
зачем ты здесь – ужели ты за мной?..
...Ной на горе и душный псковский зной
в сухой дубраве,
и немота, отчаянье, редут, —
я чувствую – за мной уже идут.
Ну да, пора ведь...

...запомни, как пронзителен минор
у пламени лампад или менор —
в грязи – или горячей терпкой нефти;

и, обратившись в тень поводырей,
я нюхаю – сквозняк чужих дверей
бумагу вертит.
...и наступает собственная тень,
и я рычу на восходящий день —
любовник смерти...

Из юго-восточных записок. Squeeze

К.С.

...немое вызревание плода,
личинки шёлк,
тягучих слов горячая руда —
а месяц, — жёлт, —
ворочается в тучах, — ятаган, —
и режет мрак;
ободранное сердце — донага —
вяжи, дурак.
И каждый всполох красного крыла
запомни днесь,
как то, что здесь — она с тобой была, —
любя — не здесь...

Пасхальное

...взломачен март стервозною метелью.
Наушничество родственно безделью, —
крупозный ветер в раковину уха
насыплет глухо
иным – неразличимую усталость,
но – прочим – речь друзей, чьих не осталось
ни праха, ни теней, ни поминаний —

лишь ветер – с нами.

Календари пропахли сургучами.
А так бывает, разве что – в начале,
где свет скользит ничтожную минуту
по ржи и нуту,
по камню, отверзающему пропасть.
И – ничего, похожего на робость,
среди людей. Незримо и не косо

схожденье в космос...

Обыденны весенние гримасы
вне городов. Натравливанье массы
порой приводит к литерным интригам,
к венцу – расстригам.
А ты – летишь домой из невозврата,
от похорон к сакральности парада,
молясь на чудеса – не без опаски —

апрельской пасхи.

В луче звезды рассветной – тусклой, рыжей —
сырую жесть просушивают крыши,
и время испаряется с базальта,
с песка, асфальта;
твой госпел чаячий – правдивый, резкий —
направит руку к краю занавески.
...и всё-то – звон. Былое бьётся насмерть —

для нас... Для нас ведь...

Стансы

И.П.

...вешает извилистый почерк
ручья по овражьему дну —
что стали, пожалуй, короче
минуты – на песню одну.
Что, собственно – дни на исходе,
в ночи же – черно, пусто;
что пульс – надрывается. Хоть и
ты – не ощущаешь его.

Какая-то тихая повесть
живёт в перекатах волны;
сестрица отчаянья – совесть —
читает урывками сны,
где – ни озаренья, ни бездны,
ни чувства – извечная тьма;
и, кажется, пращур небесный
смеётся и сходит с ума...

Маневры 17

Елене П.

...тягач опрокинул быт, замыкая травы
сургучом колеса – замер, осел, притих;
мы здесь – саранча. Но, старшие наши правы —
отеческий долг заставил сюда прийти.
Сытый локатор, конвульсия низкой цели,
арабская цифра вьётся ужом в часах, —
двигаясь маршем мы, кажется, повзрослели.
И верим теперь во взрослые чудеса.

Ветер дышит в курай. И, окропив равнину
смехом сапсана на партитуре зари,
гонит в беззвездие облачности рванину,
и бранью славянской над ковылём сорит.
...отданный нам приказ – исповедь инородца.
Сутулый язычник внемлет ей – со слезой,
не усекая, – за что ему честь бороться
с химерой брони, – уж лучше хлыстом с козой...

Сколь же он прав – в недалёком кощунстве данном;
веришь ему, что истине... Вот – собирай
мелочь страниц, и пакуй её чемоданом,
тем распрямляя двойную свою спираль.
И не икона, но – грубый лубок портрета
вытравил комнату в душный музейный зал;
тени длинные, подрагивает сигарета
и страшное утро смотрит тебе в глаза.

* * *

...рос ли тиран златоустом (сиречь – поэтом),
грезил Колхидою и золотым руном?..
Кто мы такие, чтоб сально судить об этом —
пыль на восходе, взъярённая табуном,
тень на закате – от тонкого стебля злака;
вещь, множа смерти, тянет с собою творца.
...пуск состоялся и бедный дикарь заплакал,
глаз проклиная, что всё это – созерцал.

...только теперь, уходя ещё дальше в степи,
наш караван из рептилий, несущих боль,
сделался точкой. И ужаса меры степень
можно означить сухого песка щепой.
Ты не заметишь, как небо капкан смыкает, —

избавь тебя бог – глядеть на горгоний лик!
...цель озверела. И прошлая жизнь стекает
пресною кровью в бездонный сосуд земли.

Пятое марта

прадеду

...означением горести пустовремени́х судьей —
воспаряет оркестр в своей симфонической сути,

не щадя репродуктор на жёлтой стене вокзала, —
овладевает толпой, — как партия приказала.

Пуще лютых гонцов с головами собак на сбруе,
нотный стан восстаёт и навечно покой ворует,

и слеза — что печать на потрёпанной челобитной,
где меняется речь — от восторженной до обидной.

Ты не скажешь, что вдруг — все же думали, ожидали;
только шёпот тревожный: он умер — а что же дале, —

соловей разольётся, иль голосом тусклым выпив
съёжит горло тоска — хоть горелого спирта выпей?..

Оттого — тишина горше звона на колокольне;
вызревают пути — кому скорый, кому окольный;

не крылатый мороз потроха клюёт неустанно —
но звенящая изморось в голосе Левитана.

...удлиняется день; вьют минуты поток, что ласты.
Громче прочих певцов — затянул свиристель горластый, —

не в кленовой сети, не в осушенной кроне граба, —
точно крови искал — у густого рябины краппа.

Размыкается круг и гремят по утру засовы
под напором ключей, меж которых один — басовый, —

говорит, что отныне не знает иной любви. Да
открывает собой — покаянный псалом Давида...

Middlelake

Оле С.

...твой мир ничуть не изменился —
хоть нарисуй, хоть опиши;
всё также гуси тянут Нильса
стезёй взросления души,
и свет по набережной длинной
течёт, впадая в сок реки;
и боги снова дружат с глиной —
хоть обратись, хоть обреки.
...ты сам себе – болезнь и лекарь,
огонь и дым, гора и низь, —
и сказка в теле человека —
хоть убеги, хоть обернись...

**«...НИ ГЛАГОЛОМ, НИ ЛОКТЕМ,
НИ МЕДНОЮ ЛЕПТОЙ К МЕНЕ ...»**

К.С.

...ни глаголом, ни локтем, ни медною лептой к мене —
не добраться до Фив, дабы почесть воздать Алкмене
за измену царю, коей жертвою – сам Алкид.

Полощи наши годы бельём, – паче спуск киселен, —
в молоке, убегающем прочь – в глубину расселин.
Среди поля считай вновь обретшие плоть – полки!

...это та же страна, непочатая месть которой
обернётся соседям – почуявшей голод сворой,
да разбоем крестовым от тлена бегущих скнип —

за блатняк на поминках, привычный расклад терпила,
за порожные муки побед, что в себе копила,
и за чистый эфир, оживлённый посредством книг.

Узнавай и недуг – святотатство да боголепство, —
где птенец – под венец, – деспотии хромое детство;
пуще сраму в церквах – говорит о любви Дамаск!

...ты прими – в нашу жизнь не войдешь, как заходят в воду,
как бревно протыкает единственный глаз уроду
и как смотрит звезда в обезлюдившие дома.

...всё иначе. Чума – то не вечная мука пекла,
не закон площадей, не отчаянный шелест пепла,
не паскудство ума, не гробов глуховатый стук —

это просто болезнь. Посмотри в изложение шире —
то лишь знак за грехи обезумевшему транжире,
безобиден до срока – как свист и пожатье рук...

...приходила пора – оживали в пару овины;
кроме Спарты – кому на роду не любить Афины?
В каботажном купании – радостней взмах весла;

горизонт приземлён и трепещут в садах оливы...
Мы упрямо идём на свидание с прошлым – в Фивы,
сквозь извечные козни богов, коим несть числа.

...настоящее кратко, покуда молчит оракул;

на письме и на картах – чернильный узор каракуль,
меч стирает о ножны зазубренные края.

И, пока мы в пути, мы имеем в остатке – память,
для кого та земля прорастает весной хлебами,
и кому в полумраке свечою горит маяк...

Июнь 45

Деду

...беги скорей. Опять восход. Смотри же, —
в косом луче, – лес коротко острижен,
и воздух шевелится у земли.
Фагот шмеля добавлен в духовые
оркестра лета. Мы еще живые,
хоть и бледны, что крашенный говлит.
...едва ли стоим лучшего подарка;
природою воссозданная арка
из хаоса позеленевших крон —
подобна триумфальной, – заслужили...

Но, к трепету в пульсирующей жиле, —
неслышно приближается Харон.

...обнимемся, пускай неозерцаем
наш крепкий жест – стучащими сердцами,
и в завязи – пол-мира на мази;
ты знаешь, брат, ведь я уже не помню
как говорил – отстреливают ровню,
как нас тобой свинец притормозит.
...да Бог-то с ним! Блаженствуй в тишине и
воображай, кому теперь нужнее
всё наше зло, добро и суета;
я счастлив, брат...

И хочется поверить,
что нам с тобой – распахивают двери,
и – что бессмертна эта красота...

2014—2017

Smooth aftertaste of the victory

...шумит весна, неся косноязычие
занудам, красноречие – педантам.
Дивертисмент играет, по обычаю,
в обритом парке – классика анданте.
Резьба теней, что плед – тепла и клетчата;
и – нету смерти майскому народу,
и утомлённость будничного вечера
не крайнего солдата бьёт – а роту.
Ещё дымятся гулкие развалины
кирпичных кирх, дрожа колоколами, —
в каких местах доселе не бывали мы —
решалось всё наречьем и делами.

...рѐв дизеля и мин хлопки останние
корчуют обнажившиеся корни,
и лагеря последнее восстание
по времени – что ветхий пепел горний.

...поволжская гармонь и сумрак ельника;
меж готики – танкисты на привале, —
история святого понедельника,
в которую ещё – не наплевали...
Среди обезоруженного хаоса
заходит солнца тающее блюдо,

и нависает длительная пауза
во времени, где мёртвые – смеются.

Греческое прощание

Клаве Р.

...короткие слепящие лучи
от мачт аэродромных – до земли;
пожалуйста, ты только не молчи,
ты мне пиши, когда горю вдали,
когда не жду, (хотя – такого нет,
и не предвидится). А рыхлый лёд
с письмом звенит – как тысяча монет,
укрыв бронёй военный самолёт.

...ты говори со мной, возможно – вслух,
о песнях ветра в чёрных проводах,
о месте, что захватывает дух,
о том, что это строки – в никуда;
о марте, походящем на январь,
о доме и – о крошечной дыре
на третьем этаже, где всяка тварь
тебя облобызает в январе,
за тёплый кров бездомному зверю.

...я буду чуток – слышишь, я – смогу,
и жизнь моя, вплетённая в твою,
кричит о девальвации врагу.

...и, лишь конверт, что прячешь про запас —
попридержи, прошу – не посылай;

нам говорили – лучший среди нас —
приведший к смерти Трои – Менелай...

Insolvent reflections

Маме

...грядущих времён переменчивость,
минувшего дым городской —
рачито греховно повенчана
любовь моя с детской тоской.

Года, словно крупные бусины,
с оборванной ланки летят,
и страшное ждёт послевкусие
лакающих памяти яд, —
он крепок. И видно, что набело
лесная расшита елань;
да только вот, хватку ослабила
у горла – Господняя длань.

...так прежде, – заслушавшись клирика, —
воинственно тонок, безус —
я знал – как рождается лирика,
и птахой срывается с уст.
Дыхание бережно пряталось,
чудны были гром и покой,
и музыка ангела пятого
вела по бумаге рукой.
Бодались стаканы застольные,
хрустел у сорочек крахмал;
весёлые мы, непристойные...
И – я эту жизнь принимал.

...былого уныния – нетути
для трещины в старой кости,
но пальцы в молитвенной щепоти —
труднее ко лбу поднести.
Длиннее полночь атласное,
и медленней поступь зари;
иная ударная гласная —
в отчаянном крике «твори»!

...в тени от растущего облака
пронзителен шорох любой;

не бойся знакомого оклика,
то – вечность играет с тобой...

Невский пяточок

...не стелется песня за рвами —
лишь гильз в ручейке перелив;
здесь нас убивали и рвали —
на тесной полоске земли.
Вам – пахота – вроде кощунства,
но мы не в обиде ничуть;
забытые острые чувства
пронзают истлевшую грудь.
И, словно в нечаянной сказке,
затихшей на время войны, —
пробьётся подснежник из каски —
предвестник морозной весны.

Три письма на далёкий остров

ПИСЬМО ПЕРВОЕ (отправитель – гностик)

...пиши сырые дневники —
пусть сохнут медленно чернила,
и оперённой тень руки
растёт из тёмного горнила.

Пусть изменяется строка,
слова в эфир перетекают,
и жизни всей – до сорока
постыдных лет – не предрекают!

...вода тиха. Встаёт нилас,
и ты крадёшься в город снова, —
где нет ни радости, ни ласк, —
где нет дыхания родного.

...возьми в ладонь обмылок – льда,
и – через солнца лучик глупый,
огонь крушений и труда —
раздуй холодной тонкой лупой!

...а день спустя ты будешь спать;
и снегопад, что суше мела,
твой сон начнёт переступать,
и биться в стёкла – очумело...

ПИСЬМО ВТОРОЕ (отправитель – циник)

1

...я нахожу это место
славным
по
стечению
трёх

линий фортуны —
изобилия
юных,
смешных
дурёх,

ищущих здесь приключений,
известной близости центра
и —
что обнаружился курс
на уверенный
рост
цента, —

значит, ближайшее время стабильно арендной ценой;
всё это —
вместе взятое,
плюс – лубочный пейзаж
с луной

по вечерам и ночам доставляющий
с ветром —
сплетни, —
мне будет скрашивать всякий сезон.
Особенно – летний.

...сперва – напишу, как в парке волнуется бризом трава,
(кстати, когда ты прочтёшь письмо,
тебя будут звать – «вдова»)

так вот, о траве – её волны,
до усечения косой
шумят, как лесное озеро,
враз
застигнутое
грозой,

шумят, как сама гроза —
откатываясь
за нагорье,

вниз швыряя разряд —
одним – на смех,
иным же – на горе...

2

...ещё здесь прекрасен пруд с островком из густой осоки;
в парках, подобных Гельвеции, множество невысоких
серых домов для хранения ветхого инвентаря
по уходу за флорой. Здесь нету мачт фонарей – горят
по ночам только звёзды. И бодрый с излучины ветер
сгоняет гуляк под навес кафе, в неоновом свете.

3

но главная радость – данный
неоспоримый лимит
нахождения в этом раю.
Кухарка пускай клеймит
государство за слёзы
при
покупке медикаментов;
ей, скорее, потребен – импульс
(на латыни – momentum).
В то время, как я
вполне довольствуюсь годом,
что свыше
мне бросили костью...
Воет собака...
Хозяин вышел...
...Боже, позволь – когда цепи под пень
укоротят сосну —
я уже буду день, как ничей.
Только – Твой.
То есть – усну...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ (отправитель – лирик)

...здравствуй! Ты напрягаешь врезное нутро замка
дерзким ключом, точно спиритуозом – печень;
раньше – мои позывные спешили внутрь – за МКАД,
со стороны лесов – в город, который вечен.
Нынче – всё изменилось. Замок – он стал навесным.
Дверь – деревянной. Дорог же – не стало вовсе;
суровый круговорот. В сарме – эмбрион весны, —
но, она быстро стареет. Значит – готовься
пить из ладоней влагу, что колет надвое зуб,
долго смотреть на поздний восход и на трубы
старых пустых посуды, и ветер солить в глазу,
и в шёпоте рвать потрескавшиеся губы.

...я расскажу, как в месте, где я и тружусь и сплю —
снег обладает способностью выжечь очи
даже если термометр напрочь забыл про плюс!
Здесь – очень долго и сильно желаешь ночи.
Ночь упраздняет необходимость в лишних словах.
Впрочем, ландшафт сам препятствует болтовне. Я
часто тебя вспоминаю, речь ущемив в правах
и осознавая, что тишина – главнее.
Порой – ты мне снишься. Но образы столь тяжелы
для восприятия, – после всеобщих бдений, —
что кажется, сфера ночная хохочет из мглы,
звёзды на фирн отбрасывают свои тени...
...и, длинная жизнь, что досталась двоим, то – мошна,
и всё происходит с кем-то другим – не с нами.
Однако, я знаю о правде. И правда смешна.
...всё излечимо... Не смей
обольщаться снами.

...паром качает пресных кровей волна.
В белое небо взлетает незлая ругань
местной шпаны. Меж ней и водой – она
спешит за письмом, – как стрелка спешит по кругу.

...волос седой, ничем не прикрытый здесь, —
видится лесой, заброшенной в ностальгию;
время легко. Но здание почты – весть
держит в секрете – в прекрасные дни такие...

...шаг невесом – вот, только что вскрыто дно;
в ключья конверты... Накал экономит лампа;

день умерщвлён, исправленный на одно
слово из бланка – под прессом синего штампа...

Неставшая

...неладна тоска – хоть напейся
тяжёлого злого вина;
а небо царапает песня —
о том, где твоя сторона...

...дыхания трудного посвист
ещё совершает круги
над тёплой постелью. Но, после —
растает в шептанье пурги.

Оставленный компас в квартире —
на стуле, у серой стены —
ещё говорит, что – четыре
на выбор – тебе стороны,
что музыка – то лишь огласка
желаний, родительский шов...
Но, что-то не нравится сказка,
в которой всё так хорошо.

И зубчик ядрёной помады
у зеркала в душной пыли...

...не надо, ты слышишь, – не надо!
Мы сделали всё, что могли!

Она не вернется оттуда,
оттуда, где кварц и шприцы —
жестокое чайное чуда
рассеют врачи-мудрецы...

...улыбка на порченном фото
и колюще-режущий свет;
ты знаешь, наверное – вот он —
единственный верный ответ
на то, что ходила, смотрела,
смеялась, держалась, могла,
любила...
Вокруг её тела
сгущается рыжая мгла...

И зимней отрадою – месяц
жжёт облачной рвани бельё;
друзья собираются вместе.
Друзья вспоминают – её.

...но тих белый кокон пелёнок.
благое спускается в сон.
И дышит двухдневный ребёнок
с самим Божеством в унисон...

Размен

...первое – за. Чего ты добился до —
неинтересно, – реплики желтых вдов,
аурум дутый, цвета сблёванной шелухи;

полки на подходе – отеческие полки...

...пестуешь срам, гуляя со взрослым псом,
помнишь, что гюйс, где крест заслонён иксом,
дщерь каперанга в восемь вздёргивает на дом;
дом среди сосен... И шаг прерываешь на том.

...за это ты любишь ночь – темень и тишь —
ночью ты понят, даже когда молчишь.

...анализируя партии сыгранной блеф
вдруг – осязаешь, что – червь, хоть на публику – лев,
что бытие – двухцветно, как та доска,
что белое – точно звериный оскал,
а чёрное – всё же, какой-никакой, – режим.

...и будущий ход – совершенно непостижим...

...море грохочет. Раковины пусты.
Ухо кровит, безбожно стучит костыль.

паперть – в помёте и крошках. И бой наверху
колокольни – воздух смальывает в чепуху...

Flaming lullaby

Ш.Ю.

Кончилась баталия. На полу – ушат.
Франция с Италией картами шуршат.

...чистят пол от копоти; враг давно разбит, —
шестилетний, опытный полководец – спит.

Лишь один – не к лекарю, в ящики казарм;
страшно быть калекою – шепчут за глаза.

* * *

«...ночь ступает с грохотом лошади хромой,
оловянный, крохотный пехотинец мой.

Ведаешь что станется, кто слезу прольёт, —
что последний танец-то – бешеный полёт!

Выходил из пекла ты – пеклу и принять;
отчего же беглого чувства не унять?

Кабану на вертеле – страшен ли ожог?
От стола в бессмертие – лишь один прыжок!

Комната – что выселки, – мой её, не мой;
если можешь – высеки пламя, милый мой!

Не нужна мне проповедь – нудные слова.
Чувствую – что гроба ведь я дождусь – едва...

Оттого причиною – танцевать и петь
и гореть лучиною, оловом кипеть!..»

* * *

...речь текла ловитвою. За окном – темно.
Кто-то – мудрой бритвою разрезал окно

и впускал, что гончую, ветер в полумрак.
...оборвавшись – кончилась детская игра.

...и штыком и пачкою – бьёт огонь теперь —
жар обои пачкает, пламя лижет дверь;

точно гений мщения мечется во мгле
шепчет о прощении – олову. Золе...

SLOE

А.С.

...кто пел в тебе, кто подле возлежал
в холодной лени,
кто принимал вязанье твоих жал,
как искупленье, —
той метрики тоска с поплывших строк —
считай, что свята.

...но, кажется – не выучен урок,
кольцо – не снято.

...ты алчешь дождь, увесистый такой —
шипастой гривой,
но облако – прольётся над рекой, —
легко, игриво,

а ты уснешь, достался чтобы сок —
небесным хворым —
кому твой тонкий страшный ободок
пришелся в пору...

Der Himmel uber Berlin

*моему деду,
Варухину Александру Ивановичу
посвящаю*

...термитник города разбрызгивал огонь.
Егорий пику не жалел и был неистов,
его глаза блестели вечностью, а конь
топтал внизу орду крещеных атеистов.
Неудержимый флот пропеллеры вращал,
и заплетался дикий свист в косу сирены;
в ночи являлось миру пиршество начал,
земля тряслась, горели факелом сирени.

...прошло достаточно, чтоб памятником стать
смогло сошествие бушующего гнева;
лесами почва научилась обрастать,
и снова радостно тяжёл рыбачий невод.
И только бронза изваяний помнит крик, —
что в эхе гроз – ещё таится лязг исчадий,
их стадный марш к местам сжигающихся книг, —
тогда – в пол-шаге от открытия печатей...

HIDE AND SEEK

И.П.

...не лист, впотьмах оторванный дождем,
мне служит воплощением тревоги,
не ствол, осиротевший до поры
дыхания приблизившейся Флоры, —
но – дом, где окон замкнутые шторы —
что символ с детства принятой игры,
в которой с потаеньем – одиноки,
и отысканья очереди ждём.

Тяжёлых капель в тающий чингил
перерожденье в серой жести крыши
похоже на удары каблучка
о древесину тёплого паркета;
здесь два зонта, оставленные кем-то
в прихожей, став добычею крючка
и спицами сплетясь – повисли. Ты же
спешишь за новой порцией чернил.

...мне кажется, страшней пустых домов —
возможны лишь обыденные судьбы
их постояльцев, вынесших скелет
с собой из шкафа, но оставив запах
сухих костей в неумолимых лапах
безвременья. Так месяцев и лет
их имена вычёркивают судьи
из бытия растущих вширь томов...

An escape of love

*и памяти четвероного Друга,
умевшего любить бескорыстно.*

...гудит костёр. В озябшем теле – дрожь.
В руках – пиала.
Расхожий ум – душе бросает: что ж,
она устала;
вас двое, только ты не беспокой
её напрасно
за всё тепло, ушедшее с рекой,
с потоком красным.
Вас двое. Но от этих мест – она,
в тоске воловьей,
продолжит путь – теперь уже одна.
Не прекословь ей.
...К тебе придут степные холода
и знак грамматик,
ты письма будешь слать ещё, – сюда, —
на автомате.
Однако ж – сколь безгласна пустота
на длинный зуммер;
ты разорвёшь набрякшие уста
глаголом – умер,
и дале, следом вывернешь карман,
изнанку глядя,
встрянув вещей забытых закрома —
всё – на ночь глядя...

...гудит костёр вселенскою молвой,
огня разрядом —
вместилище её, как таковой —
во тьме, но рядом.
Она летит под звёздной шелухой,
над рыжей степью;
и ты – свой голос жертвуешь глухой
побегу с тенью.
Ты принимаешь тождество пути —
искомой цели,
и в этом шанс пытаешься найти,
покуда целен.
Она, меж тем, уже обнажена
пред Их престолом;
не будь твоей – небесная жена
мела б подолом...
Но совершенство глиняных телец

в платке из хлопка —
то лишь обман, открытый наконец,
жаль – поздно, робко...
Ты совершаешь действие рукой,
и жест – столь нежный, —
дрожанье кисти. В степь идет покой.
И свет безбрежный.

GOA

...жестокий полдень. Юг. Звонящий юг —
магнолии, зонты и всё такое;
контрасты белых поло, чёрных рук,
и обнажённость мнимого покоя,
где за движеньем — символа печать.
И жаркий день — явит в скулящем щене
неотвратимость заново начать, —
с себя, — весь цикл перевоплощений...

Дом, который...

А.С.

...плюшевые тени, тени нежные —
разлеглись на струганом полу;

а заря смотрелась в окна – прежняя, —
помнящая тёплую золу...

...дом горел заупокойной свечкою,
хоть и заколочен был, и пуст —
жизнь людская, – горестною речкою, —
поминаньем скатывалась с уст...

нынче ж – в пору совершеннолетия —
пепелище солнцу помогло;
воздух теребит вокруг соцветия,
паутина бьётся о стекло.
снова тёмн быт в сырых окраинах,
поселенцы вновь невеселы, —

дом стоит. крестьяне ищут барина.
и черны запястья от смолы.

...всё-то возродится, всё наладится,
будет и бревенчатый венец
за венцом расти. а в пойме – старица
станет полноводной наконец...

вроде как чуток – и поступь летняя
охладеет к измороси трав;

это ли – не буковка последняя?
это ли – не пиршество отрав?..

...дом стоит – как не было пожарища, —
скрип калитки, занавеси тюль, —
и уже крестьянствуют товарищи;
лето, огнедышащий июль...
чтобы над искрящеюся бездною
не взошли предательства ростки —
в доме держат тварь не бесполезную,
выжимают пухлые соски...

...время устояться, обустроиться —

только что – пудовый бьёт язык
в тонкостенный колокол. и Троица
убыстряет суетность в разы...

...облако над домом – точно камень. и
плоть его – плюёт дождём в лицо...

...дом стоит, мечтая согнуться в пламени,
размыкая времени кольцо.

Short landscape with discourse

А.С.

...шумит мелководье, кидая гниющий тростник
на рёбра песка. Атмосфера кощунствует терпким
сырым ветерком. И страницы разбросанных книг
бизанью трепещут на пляже. И мы это терпим, —
с иронией глупой, — растающий в слог эпикриз
всей речи — как средства активности злых и болтливых;
в подобном язычестве есть неспросчитанный риск
терновый венок превознести над венцом из оливы...

...со штилем, зеркалит залив пресноты легион —
служителей слова, от Слова весьма отстоящих;
Зевес был мастак в наказаньях людей, но и он —
не ведал всего, чем богат его собственный ящик.

Строкой не скупись — вот девиз штурмовавших Парнас, —
леса столь обширны, что нет дефицита в бумаге;
толпа королей захвативших престолы, — среди нас:
они плодovиты. Но самое главное — наги.
...и — снова к воде. К её — ветру покорной крови,
к иронии — той, что используют в практике Коэн...

...шумит мелководье. Глагол ищет встреч визави, —
и я погружаюсь в молчанье, — незрим и спокоен.

URBI ET ORBI

...он – что глыба стоял под ударом и славой,
под раскатистой речью, и речью картавой.
через сонм его кладбищ прошли магистрали;
он тревожил эпохи, устои, морали.
он садам и бульварам весною одеться
дозволял с неохотой – прогнившее детство;
арестантов кормил крепостною заразой,
высекал искры пламени, слёзы из глаза,
обрастал новостроем и денежной квотой —
что в итоге – ложилось на откуп болоту...

...воевал, вымирал, побеждал, возрождался,
запускал, выводил, награждал, награждался;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.